

УДК 93.94

**РЕФОРМАТОРСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.:
ОФИЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ
И ВОПЛОЩЕННОСТЬ В ПРОЕКТАХ**

В.А. Матвеев

**REFORM INITIATIVES IN THE EARLY 20th CENTURY RUSSIA:
OFFICIAL PROVISIONS
AND IMPLEMENTATION IN PROJECTS**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье анализируется отечественный опыт отбора критериев и содержательных аспектов преобразований в начале XX в. Определялись они, согласно представляемой версии, верховной властью еще до последовавшего практического осуществления. Составленные проекты восприняты были и в чем-то дополнены С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным. В периоды их реформаторской деятельности появлялись и усовершенствования курса реформ. Отмечается вместе с тем участие в оформлении проектов С.Е. Крыжановского, исполнявшего в правительстве вспомогательные роли. Однако именно он придавал выверенность принимавшимся решениям, хотя предлагавшиеся им рекомендации и правки не всегда находили поддержку. Осознание существовавших в России проблем и возможных способов устранения кризисных обстоятельств, по мнению автора, на высшем уровне существовало. Позиция же заимствований из практики европейского либерализма и отказ от учета критики революционной оппозиции являлась ошибочной.

Abstract. The article analyzes the local practices of selecting the criteria and substantive aspects of transformations at the outset of the 20th century. It is suggested that these were defined by the supreme authorities prior to the subsequent practical implementation. The drawn-up projects were prehended and in some ways supplemented by S.Yu. Witte and P.A. Stolypin. The trajectory of the reforms also saw improvements in the course of their reform activity. Along with that, S.E. Kryzhanovsky's participation in project design is also noted, him acting in the capacity of a supplementary governmental actor. However, he was the one to give consistency to the decisions made, although the recommendations and amendments he proposed did not always gain traction. The author suggests that at the highest levels there was awareness of Russia's existing problems, as well as the possible ways to eliminate crisis developments. Therewith, the position that entailed borrowing European liberal practices and refusing to factor in the criticism of the revolutionary opposition was misguided.

Ключевые слова: государственный строй, компромиссные решения, либеральные вождедения, монархический принцип, политическая оппозиция, представительные учреждения, проекты преобразований, радикальные подходы, революционная альтернатива, системные реформы, социальная справедливость.

Keywords: system of government, compromise solutions, liberal aspirations, monarchical principle, political opposition, representative institutions, reform projects, radical approaches, revolutionary alternative, systemic reforms, social justice.

Необходимость системных преобразований в России становилась в начале XX в. все более очевидной. Осознавалась она как представителями творческой интеллигенции, так и в правящих кругах. Важность проведения реформ в интересах «не одного класса или сословия», а большинства российских подданных пытался обосновать, например, Л.Н. Толстой [1, с. 505–506]. Свои взгляды на наиболее актуальные аспекты преобразований писатель изложил в специально направленном российскому монарху письме. Еще в 1902 г. внимание Николая II, от которого во многом зависели принимавшиеся государственные решения, он обратил на то, что «эта мера... уничтожит все то социалистическое и революционное раздражение, которое... разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу и правительству» [1, с. 507]. Для устранения возникавших препятствий в развитии, как предупреждал Л.Н. Толстой, необходимы различные реформы, способные удовлетворить насущные потребности непосредственных производителей материальных благ [1, с. 505–506].

В изменении нуждалась и организация государственной власти. Возможности функционирования ее на неограниченном представительными и иными учреждениями монархическом принципе оказались исчерпанными, хотя в прошлом в судьбе отечества он имел, безусловно, мобилизующее конструктивное значение. Использувавшийся принцип верховного управления с препятствиями в виде представительных учреждений как в некоторых странах Запада не сталкивался [2, с. 56]. Один человек тем не менее в начале XX в., по замечанию Л.Н. Толстого, не мог эффективно осуществлять управление огромной страной. В письме императору он подчеркивал особо, что самодержавие «есть форма правления отжившая» [1, с. 505]. Отметил писатель и недостатки, которые порождают «всеобщее недовольство правительством всех сословий и враждебное отношение к нему» [1, с. 503].

Как можно судить по содержанию обращения к Николаю II, Л.Н. Толстой отвергал лишь самодержавную форму правления. Изменению подлежало, согласно его видению первостепенного сегмента преобразований, существовавшее монархическое обустройство. В этой связи Л.Н. Толстой предупреждал главу государства о распространявшихся в России настроениях, когда осуждению подвергаются «не только распоряжения правительства, но и самого царя» [1, с. 505]. Довести до его сведения он пытался и то, что управлением страной занимаются «приближенные... заботящиеся больше всего о своем положении, а не о благе народа» [1, с. 504]. Намерения удержать существовавшие порядки Л.Н. Толстой назвал несправедливыми, поддержку же их, по его выражению, Николай II обеспечивает, «следуя... ужасным советам» [1, с. 503].

К ним он отнес попытки совмещать якобы «для блага русского народа... формы... религиозного верования и политического устройства» [1, с. 503]. Поддерживать же такую особенность правления, как заметил Л.Н. Толстой, «можно только... посредством всякого насилия». Православие не должно служить его прикрытием. К разновидности допускавшихся в управлении государством «дурных и жестоких дел» Л.Н. Толстой отнес меры «усиленной

охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания» и др. [1, с. 505]. Предупрежден был Николай II и о том, что если его деятельность «будет продолжаться в том же направлении», то она принесет «людям... большое зло» [1, с. 502]. В адресованном монарху письме Л.Н. Толстой вместе с тем предпринял попытку разъяснить, что мерами «насилия можно угнетать... но нельзя управлять». Излагалась в нем и рекомендация «дать народу возможность высказать свои желания и нужды». Те же из них, «которые будут отвечать требованиям» большинства, исполнить [1, с. 505–506].

Для выявления существовавших пожеланий необходимы выборные представительные учреждения. Создание их Л.Н. Толстой в обращении к монарху в 1902 г. обосновывал так: «Только узнав желания и нужды всего народа или большинства его, можно управлять народом и сделать ему добро» [1, с. 507]. Призвание же свое Николай II, как подчеркивал писатель, должен видеть исключительно «в служении богу и людям» [1, с. 508]. Л.Н. Толстой указывал на необходимость перехода «фабрик и заводов в общее пользование» [1, с. 506], что делало его позиции близкими к социалистическим воззрениям.

В письме Николаю II высказывался он и за уничтожение «права земельной собственности». Л.Н. Толстой пояснял, что в начале XX в. она «есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет тому назад». Признание «земли общим достоянием», по его утверждению, «поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства» [1, с. 506]. Существовавшие препятствия для совершенствования социальных отношений в аграрном секторе России между тем постепенно устранялись. Отменена была, например, в 1903 г. ответственность всех членов общины за действия и выполнение обязательств каждого [3, с. 67].

В традиционно сложившемся виде сам уклад просуществовал, следует заметить, с момента возникновения государства у восточных славян [3, с. 67], что так или иначе является показателем наличия в нем ряда преимуществ. Однако в начале XX в. в организации общин практика круговой поруки являлась уже пережиточной. С 1903 г. она устранялась. Наряду с этим запрещены были физические наказания крестьян [3, с. 154]. Нарушение законодательства в данном отношении предусматривало ответственность. Пережиток был устранен по инициативе С.Ю. Витте. Изменения же, как и при других преобразованиях, происходили не сразу. Для них необходим был переход на иной уровень социальной мобилизации. Но прогрессивные перемены в России со ставкой на эволюционность были все же возможны. На это в ряде случаев нацелены были и реформы, проводившиеся в начале XX в. в различных сферах.

Но важнейшие направления развития, в отличие от эпохи Александра II, они не затрагивали. Назревшие преобразования предлагались и на местном уровне, что прослеживается в предоставлявшихся императору ежегодных отчетах руководителями губерний и областей. Николай II их просматривал, оставлял на полях пометки и суждения, скреплявшиеся дословно в виде цитат ответственными лицами, ставившими под ними свои подписи. наброски монарха

напротив привлечших его внимание фрагментов с удостоверением их подлинности тем самым визировались [4, л. 20]. Краткие заключения Николая II по смыслу сводились к одобрению или возражению, требовавшему дополнительной проработки. Вписывались иногда и оценочные рассуждения. Предлагавшиеся реформы в категоричной форме император не отвергал. Неверно будет также утверждать, что в России в начале XX в. они до революционных потрясений вообще не проводились.

Реализовывавшиеся преобразования не касались между тем сложившейся специфики управления государством, права частной собственности и существовавших сословных привилегий, закреплявших социальное неравенство. Возможность обеспечения постепенности преобразований, с приданием эволюционной направленности развитию, в начале XX в. по-прежнему сохранялась. Однако предпринимавшиеся соответствующие меры нуждались в последовательной поддержке монарха. Из-за убежденности, что «ничего не произойдет», Николай II от нее нередко уклонялся. Вследствие этого перспектива преобразований с выдерживанием постепенности сопровождалась затруднениями, а ряд разрабатывавшихся проектов необходимых в стране перемен так и не был воплощен в действительности. Создавшееся в 1905 г. состояние революционного кризиса в России уже по ходу развития связанных с ним событий воспринималось по-разному. Николай II определял их как обыкновенную «Смуту», принявшую очертания невиданной ранее остроты.

Кризисные события он переживал с тревогой за судьбу России, с «болью в душе», как он сам неоднократно выражался. В заметках на полях ежегодных отчетов губернаторов и начальников областей, отправлявшихся в Петербург в 1905 г., слово «Смута» Николай II даже в середине предложения писал с большой буквы. Верхняя ее часть имела заострение, что свидетельствовало о глубоких переживаниях. На возникшее «брожение» налагались и политические свойства. В протестных выступлениях проявились наряду с этим последствия несоблюдения интересов непосредственных производителей. Поддерживавших беспорядки активистов Л.Н. Толстой, исходя из своего понимания, назвал людьми, которые «сами себя заковыывают» и своими поступками воспроизводят «всякие мерзости». Его поражало то, что при этом они «довольны собой, воображая, что... делают очень важное и полезное дело» [5, с. 605–606].

Занимаясь подражанием Европе, революционеры, по наблюдению Л.Н. Толстого, не замечают таких же, как и там, разрушительных последствий предпринимаемых радикальных инициатив. Мятежные поступки и в других странах, по его выражению, допускались «неумными и нехорошими людьми». Острота обстановки в России нередко в различные периоды революции, по сложившемуся у Л.Н. Толстого впечатлению, провоцировалась «комическими партиями и комитетами» [5, с. 606]. По его утверждению, «великие злодейства и развращение» [5, с. 606] начались из-за наступившего смятения. Создавалось оно в том числе придерживавшимися марксистских взглядов участниками. По ходу событий ими как раз и внедрялась версия о происходящей в России революции. Представители государственной власти

данное определение старались не употреблять. Но наличие представляющей угрозу смуты и они вынуждены были признавать.

Вследствие возникшего в России нестроения, по предостережению Л.Н. Толстого, неизбежно установление военной диктатуры. Определяя свое «отношение к революции», писатель признался, что не может «не страдать, глядя на то, что делается». При этом на себя он также возлагал вину за ее свершение, так как вскрывал неоднократно публично в том или ином виде недостатки проводившейся политики. В потрясениях Л.Н. Толстой с сожалением усматривал, что «есть... малая доля» и его «участия» [5, с. 605]. Из происшедшего он сделал следующий вывод: «Для того чтобы заменить отживший порядок другим, надо выставить идеал высший, общий и доступный всему народу» [5, с. 606]. У революционеров Л.Н. Толстой, как можно судить по дававшимся оценкам, его не обнаружил. Возможность сформировать «идеал высший, общий и доступный всему народу» [5, с. 606] упускало и руководство страны. Осознание необходимости реформ в правящих кругах тем не менее существовало.

Программа преобразований была, в частности, изложена 24 ноября 1904 г. во всеподданнейшем докладе Николаю II министром внутренних дел князем П.Д. Святополком-Мирским [6, с. 185]. К составлению же и редактированию ее после предварительных обсуждений привлекался талантливый юрист С.Е. Крыжановский, являвшийся тогда вспомогательным сотрудником правительственного аппарата. Написанием законопроектов он занимался и ранее. По воспоминаниям С.Е. Крыжановского, с просьбой оказать содействие в составлении всеподданнейшего доклада к нему в 1904 г. обратился сам П.Д. Святополк-Мирский. Ему же при встрече было предложено внести систематизированные редакционные улучшения и дополнить «в развитие... высочайших предначертаний», в которых излагалась программа «преобразования и внутреннего строя империи» [6, с. 18]. Предусматривалось также введение в России областного управления [6, с. 11].

Однако по настояниям С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева отображенный во всеподданнейшем докладе П.Д. Святополка-Мирского посыл был отвергнут [6, с. 11]. Осознание в государственных структурах необходимости реформ, в передаче С.Е. Крыжановского, вызывалось исчерпанием всех доступных способов «борьбы с нарастающим революционным движением». Верховная власть шла вместе с тем, согласно его свидетельству, «навстречу пожеланиям умеренной части оппозиции». Ей делались совместимые «с сохранением существующего государственного строя» уступки, способные, как предполагалось, «оторвать либеральные элементы общества от революционных» [6, с. 19]. Наметками преобразований, следует заметить, П.Д. Святополк-Мирский располагал еще до запущенных обсуждений и последующих редактирований проектов [6, с. 19].

В дальнейшем С.Е. Крыжановский имел причастность к формулированию положения о Государственной думе и о выборах в данный представительный орган власти. 26 августа 1905 г. оно получило «высочайшее утверждение».

Составлялись С.Е. Крыжановским и проекты изменений правил формирования депутатского корпуса. Они также были поддержаны монархом. Наряду с этим С.Е. Крыжановский являлся автором проекта преобразования Государственного совета. Им было также составлено положение о старообрядческих и сектантских общинах, вводившее иные правовые основы их функционирования. Преследование их за конфессиональную оппозиционность предусматривалось прекратить. Утверждено это было в дальнейшем и в законодательном порядке [6, с. 11]. В контексте оформлявшихся официальных инициатив признавалась необходимость выделения части Холмского края, где преобладало русское население, из административной подчиненности Польше [6, с. 11].

Намечались в начале XX в. в Российской империи и другие реформы. Их составители придерживались убеждения, что мешающие развитию недостатки вполне устранимы. При обсуждениях проектов преобразований в преломлении складывавшейся в стране обстановки С.Е. Крыжановский предупреждал об опасности «ставить судьбу государства в зависимость от голосования толпы». По его мнению, «для участия в управлении необходима наличность умственного и делового ценза», равно как и обязательная «приверженность исторической традиции» [6, с. 13]. Предлагал С.Е. Крыжановский в намечаемом курсе реформ отказаться от «всяких привилегий, не оправдываемых пользой государства» [6, с. 11–12].

Его воспринял и стал осуществлять С.Ю. Витте. Соответствующий опыт он получил занимая еще должность министра финансов. Укрепить тогда вследствие предпринятого С.Ю. Витте преобразования удалось курс рубля. На начальной стадии денежной реформы с этой целью в обращение вводились золотые и серебряные монеты. Для достижения же конвертируемости российской валюты были созданы необходимые банковские резервы не только этих, но и других драгоценных металлов. При оформлении финансовой реформы С.Ю. Витте и его подчиненными учитывалась мировая практика. Из накопленного наследия во внимание принималось прежде всего то, что «истинное богатство» государств «состоит не в большом запасе серебра и золота... но всего более в умножении произведений» промышленного и сельскохозяйственного производства, налаженном «обмене... и торге» [7, с. 165].

Дальнейшее смещение, как можно судить по принимавшимся под руководством С.Ю. Витте решениям, предполагалось произвести по мере осуществления финансовой реформы именно в таком направлении. Из мирового опыта учитывалась также закономерность влияния роста благосостояния народа на «прибыль правительства» [7, с. 165], или, иными словами, успешное экономическое развитие той или иной страны. Намерения С.Ю. Витте как реформатора распространялись и на другие сферы. Не все из намечавшегося принималось. Занимавший в правительстве пост министра внутренних дел В.К. Плеве отстаивал, например, необходимость сохранения крестьянской общины, которая им рассматривалась как опора для поддержания порядка в деревне. По сложившемуся в ней внутреннему распорядку исполнялись фискальные и полицейские функции.

Предлагалось В.К. Плеве также «государственными средствами и методами» остановить процесс разорения «крупного дворянского землевладения» [8, с. 5].

С.Ю. Витте, напротив, придерживался убеждения, что «аграрная проблема» разрешима «на основе личной инициативы и капиталистической предприимчивости самих сельских хозяев». Возражал он и «против сохранения общинного землевладения». Аграрными преобразованиями С.Ю. Витте предлагал утвердить «частную собственность на землю». Согласно его взгляду, по их результатам крестьяне и помещики должны сделаться «равноправными собственниками принадлежащей им земли». Их следует, согласно замыслу С.Ю. Витте, уравнивать и в сословном отношении [8, с. 5].

При проектировании преобразований учитывались также наиболее передовые зарубежные тенденции. Намечавшейся аграрной реформой предусматривалось, например, введение института частной собственности на землю по аналогии с тем, что было уже апробировано на Западе [9]. Определенности же с перспективой сохранения общинного уклада и в период, когда С.Ю. Витте с 17 октября 1905 г. был назначен председателем Совета министров Российской империи [9, с. 6], в правительственном аппарате так и не появилось. Разногласия по-прежнему сохранялись. Руководству страны вместе с тем при проведении направленных, как намечалось при обсуждениях, на устранение препятствий развитию реформ решить надлежало и проблему всеобщего народного просвещения. Мировой и отечественный опыт в этом отношении прояснял следующее: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» [10, с. 17].

Однако реформирование системы образования Российской империи в начале XX в. только намечалось. В изменении нуждалось с учетом устанавливавшихся передовых зарубежных практик и государственное устройство. Поддержать необходимые России преобразования С.Ю. Витте советовал также Николаю II. При этом он осуждал применявшиеся попытки сдерживать деструктивные действия сугубо «полицейскими мерами». По убеждению С.Ю. Витте, силовое принуждение к повиновению усиливало лишь позиции тех, кто становился на путь противостояния с государственной властью [9, с. 402, 404]. Эффективность же управления, по сложившемуся у С.Ю. Витте убеждению, следует поддерживать главным образом «нравственным авторитетом» [9, с. 32].

Во многом такая позиция имела в той или иной степени совпадение с рекомендациями, изложенными Л.Н. Толстым в письме Николаю II. Исходя из своих представлений, С.Ю. Витте считал, что и наметившийся с 1905 г. революционный кризис в России можно было преодолеть только при помощи эволюционных изменений без применения какого-либо силового воздействия. Правительственный курс в сложных условиях, в его представлении, должен также основываться на намерениях «мужественного и прозорливого созидания» [9, с. 432]. Это позволило бы создать препятствия для распространения

революционных настроений и при помощи реформ обеспечить преодоление наметившейся возобновляемости протестной активности в России.

Недовольство революционеры, в соответствии с предписаниями марксистской теории, нередко создавали искусственно. Произошедшая «первая русская революция» отображалась в прокламациях, которые распространялись даже в воинских частях [11, с. 7]. Из них становилось известно об антиправительственных выступлениях. Проходивший службу в 1905 г. в Приморском драгунском полку на Дальнем Востоке С.М. Буденный в воспоминаниях поделился, к слову, тем, что листовки «по утрам находили... в казармах». В них составлявшие большинство в среде военнослужащих выходцы из деревни встречали при знакомстве с содержанием привлекательный для них лозунг: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает!» [11, с. 7]. Прилагавший же усилия к преодолению революционного кризиса в России С.Ю. Витте придерживался подходов, основывавшихся на неприкосновенности любых форм частной собственности.

В качестве обоснования им указывалось на то, что такая практика уже давно установилась во всех экономически благополучных странах Запада. Реформатор опирался, безусловно, и на свой многосторонний опыт государственной службы. Составленная при П.Д. Святополке-Мирском программа реформ С.Ю. Витте была заимствована. Воспринял ее впоследствии и П.А. Столыпин. Вслед за С.Ю. Витте он также признавал потребность для устранения земельной нужды производить переселения из центральных губерний на окраины [9, с. 290]. Тем самым предполагалось разредить «население в Европейской России», чем по существовавшим ожиданиям создастся «больше свободы» для урегулирования «земельного быта крестьян» в субъектах с аграрной перенаселенностью [9, с. 290].

При нормативном оформлении решения правительство надеялось вместе с тем произвести хозяйственное освоение нуждавшейся в этом периферии [9, с. 290]. Переселение в тех условиях выступало в качестве необходимой меры, так как в начале XX в. прирост населения России был достаточно высоким. На это указывает в том числе то, что он превосходил показатели «остальных государств всего мира» [12, с. 95]. Как государственный деятель С.Ю. Витте осознавал и потребность использования при проектировании реформ знаний о прошлом. Такие подходы выдерживались в Российской империи и ранее, в частности, на Кавказе и других окраинах отечественного Востока.

Осуществление там каких-либо изменений при достижении государственного совмещения производилось с учетом постепенности нововведений и ненарушимости традиционных укладов, тем более, если они составляли основу этнического быта. Уважительное отношение выдерживалось и к мусульманской религии. С.Ю. Витте ретроспективные сведения задействовал для придания выверенности государственным подходам. По его настоянию в кратком изложении история России издавалась и для ознакомления монарших особ. Николай II к ней, во всяком случае, обращался. Об этом можно судить по отдельным резолюциям, в которых он воспроизводил исторические оценки, дававшиеся относительно различных событий авторитетным ученым В.О. Ключевским.

При разработке же реформ С.Ю. Витте напрямую заимствовал ряд положений из трудов профессора Киевского императорского университета М.П. Драгоманова. Отобранной из них была прежде всего установка на «создание областной автономии для всей России» и ее децентрализации на федеративных началах [13, с. XXXIV]. Предусматривалось при этом обеспечение самостоятельности «земских единиц, т. е. сельских и городских общин, волостей, уездов» [13, с. XVII]. Государственное же представительство областных субъектов должно сочетаться, как предусматривал М.П. Драгоманов, «с представительством местным», наделенным возможностями самоуправления [13, с. XVI].

Только при таком федерализированном взаимодействии может быть, по убеждению ученого, выдержан в государственном обустройстве баланс интересов. Б.А. Кистяковский, составитель биографического очерка о М.П. Драгоманове, упрекнул С.Ю. Витте в том, что он «частенько не указывает» на заимствования из наследия историка и ссылки на него приводит лишь в отдельных случаях [13, с. XXXVI]. Соблюдение такого критерия, как известно, является обязательным для научных исследований. Но выделение каких-либо перспективных положений при проектировании реформ вовсе не предполагает конкретизацию источников. К тому же отобранные С.Ю. Витте рекомендации видоизменялись с учетом опыта государственного управления. Обращение же к существовавшим наработкам в отечественной исторической науке ему следует поставить все же в заслугу. Преследование М.П. Драгоманова и создание препятствий для его карьерного роста после защиты диссертации основывалось на ложном обвинении в «сепаратизме». Они свидетельствуют о проявлявшейся неспособности сотрудников жандармерии и полиции Российской империи непредвзято отслеживать созданные на основе обобщения опыта прошлого концепции с полезным для ее преобразования потенциалом.

С.Ю. Витте в этом отношении, обратившись к научным разработкам преследовавшегося при жизни ученого, оказался как государственный деятель на высоте. Отстаивая необходимость федерализации, М.П. Драгоманов оставался последовательным патриотом России. Разъединение восточного славянства и отделения этнического сообщества в качестве самостоятельного от соотечественников иной этнической и конфессиональной принадлежности ученый считал недопустимым. Ряд обобщений из творческого наследия одного из талантливых представителей отечественной исторической науки отобрал для преобразований и С.Ю. Витте. Нарботки же возглавлявшегося им правительства использовались и впоследствии.

Насаждавшиеся оппозиционными группировками представления об отсталости России действительности не соответствовали. В ее развитии чередовались как фазы подъема, так и спада. Отражались они соответствующим образом и на благосостоянии населения. Такие же колебания в экономическом развитии периодически проявлялись также в странах Западной Европы. Утверждения же об их превосходстве являлись не более чем мифом. Между тем существовал,

безусловно, и передовой зарубежный опыт, который вполне можно было использовать «для усовершенствования своего родного» [14, с. 27].

Утверждение о том, что из критики и преобразовательных предположений «выдающихся общественных сил» России начала XX в. правительство не отбирало «систематически все самое... жизнеспособное» [15, с. 237] соответствует лишь отчасти тому, что было на самом деле. Заимствования тем не менее производились исключительно у либеральной оппозиции, что сужало потенциал и результативность реформаторским инициатив. Внимание следовало бы обращать и на программы революционных партий, особенно на те их установки, которые отражали нужды простого народа.

Подражание при проведении реформ нередко приводит к негативным последствиям. При проектировании их в России избегать его не всегда удавалось. Предпринимавшиеся усилия правительства предназначались, следует отметить подводя общий итог, для вывода России на более высокие рубежи развития, соответствовавшие лучшим стандартам того времени. Но концепция преобразований в окончательном виде так и не сложилась. Заимствования же из зарубежных практик не учитывали в должной мере российскую специфику. Признаки системности в проектировавшихся преобразованиях складывались уже по ходу их осуществления. Учитывались и предполагавшиеся результаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой, Л. Н. № 46. Николаю II. 1902 г. Января 16. Гаспра / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 19, 20: Письма. 1882–1910. – М. : Художественная литература, 1984. – 879 с. – С. 502–508.
2. Чернышевский, Н. Г. Терпеливая Россия. Записки о достоинствах и пороках русской нации / Н. Г. Чернышевский. – М. : Родина, 2022. – 240 с. – Текст : непосредственный.
3. Макарецев, В. М. Война за справедливость, или Мобилизационные основы социальной системы России / В. М. Макарецев. – М. : Алгоритм, 2016. – 448 с. – Текст : непосредственный.
4. Центральный исторический архив Грузии (далее ЦИАГ). – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 322. – Текст : непосредственный.
5. Толстой, Л. Н. № 157. В.В. Стасову. 1906 г. Сентября 20. Ясная Поляна / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 19, 20: Письма. 1882–1910. – М. : Художественная литература, 1984. – 879 с. – С. 605–606.
6. Крыжановский, С. Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи / С. Е. Крыжановский. – М. : Центрополиграф, 2022. – 191 с. – Текст : непосредственный.
7. Британская империя в Индии. Сочинение шведского генерал-лейтенанта графа Биорнштерна. Переведено по поручению П.В. Голубкова. – М. : Университетская типография, 1847. – 406 с. – Текст : непосредственный.
8. Фельштинский, Ю. От редактора-составителя / Ю. Фельштинский. – Текст : непосредственный // Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия! : Полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / составление, примечания, вступительная статья Ю. Г. Фельштинского. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – 464 с.

9. Витте, С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. – М. : Мысль, 1991. – 708 с. – Текст : непосредственный.
10. Миронов, Б. Когда в России жило хорошо? / Б. Миронов. – Текст : непосредственный // Родина. – 2008. – № 4.
11. Буденный, С. М. Первая Конная армия : военные мемуары / С. М. Буденный. – М. : Вече, 2017. – 464 с. – Текст : непосредственный.
12. Столыпин, П. А. Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе 10 мая 1907 г. / П. А. Столыпин. – Текст : непосредственный // Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия! : Полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / составление, примечания, вступительная статья Ю. Г. Фельштинского. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – 464 с.
13. Кистьяковский, Б. А. М.П. Драгоманов. Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь / Б. А. Кистьяковский. – Текст : непосредственный // Драгоманов М. П. Политические сочинения / под редакцией проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистьяковского. Т. I: Центр и окраины. – М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1907. – С. I–LXXIII.
14. Строганов, В. Русский национализм, его сущность, история и задачи / В. Строганов. – М. : [б. и.], 1997. – 87 с. – Текст : непосредственный.
15. Карабчевский, Н. П. Дело о гибели Российской империи / Н. П. Карабчевский. – М. : Алгоритм, 2018. – 240 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Tolstoj L. N. № 46. Nikolayu II. 1902 g. Yanvary 16. Gaspra. [Tolstoy L. N. No. 46. Nicholas II. 1902 January 16. Gaspra] // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij v dvadcati dvuh tomah. Toma devyatnadcatyj i dvadcatyj. Pis'ma. 1882–1910. [Tolstoy L. N. Collected works in twenty-two volumes. Volumes nineteen and twentieth. Letters. 1882–1910]. Moscow: Artist. lit., 1984, pp. 502–508. (879 p.)
2. Chernyshevskij N. G. Terpelivaya Rossiya. Zapiski o dostoinstvah i porokah russkoj nacii. [Chernyshevsky N. G. Patient Russia. Notes on the virtues and vices of the Russian nation]. Moscow: Rodina, 2022. 240 p.
3. Makarcev V. M. Vojna za spravedlivost', ili Mobilizacionnye osnovy social'noj sistemy Rossii. [Makartsev V. M. The war for justice, or the mobilization foundations of the Russian social system]. Moscow: Algorithm, 2016. 448 p.
4. Central'nyj istoricheskij arhiv Gruzii (dalee CIAG). F. 13. Op. 1. D. 322. [Central Historical Archive of Georgia (hereinafter CIAG)]. F. 13. Op. 1. D. 322.
5. Tolstoj L. N. № 157. V.V. Stasovu. 1906 g. Sentyabrya 20. Yasnaya Polyana. [Tolstoy L. N. No. 157. V.V. Stasov. 1906 September 20. Yasnaya Polyana] // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij v dvadcati dvuh tomah. Toma devyatnadcatyj i dvadcatyj. Pis'ma. 1882–1910. [Tolstoy L. N. Collected works in twenty-two volumes. Volumes nineteen and twentieth. Letters. 1882–1910]. Moscow: Artist. lit., 1984. P. 605–606. (879 p.)
6. Kryzhanovskij S. E. Vospominaniya: iz bumag poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossijskoj imperii. [Kryzhanovsky S. E. Memoirs: from the papers of the last state secretary of the Russian Empire]. Moscow: Tsentropoligraf, 2022. 191 p.
7. Britanskaya imperiya v Indii. Sochinenie shvedskogo general-lejtenanta grafa Biornshterna. Perevedeno po porucheniyu P.V. Golubkova. [British Empire in India. Composition of the Swedish Lieutenant-General Count Biornstern. Translated on behalf of P.V. Golubkov]. Moscow: University Printing House, 1847. 406 p.

8. Fel'shtinskij Yu. Ot redaktora-sostavitelya. [Felshtinsky Yu. From the editor-compiler] // Stolypin P. A. Nam nuzhna Velikaya Rossiya!: Polnoe sobranie rechej P.A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg. / Sost., primech., vstup. st. Yu. G. Fel'shtinskogo. Moscow: Knigovek Klub, 2011. 464 p.

9. Vitte S. Yu. Izbrannye vospominaniya, 1849–1911 gg. [Witte S. Yu. Selected Memoirs, 1849–1911]. Moscow: Thought, 1991. 708 p.

10. Mironov B. Kogda v Rossii zhilos' horosho? [Mironov B. When was life good in Russia?] // Rossijskij istoricheskij zhurnal "Rodina". 2008. No. 4.

11. Budennyj S. M. Pervaya Konnaya armiya (Voennye memuary). [Budyonny S. M. First Cavalry Army (War memoirs)]. Moscow: Veche, 2017. 464 p.

12. Stolypin P. A. Rech' ob ustrojstve byta krest'yan i o prave sobstvennosti, proiznesennaya v Gosudarstvennoj dume 10 maya 1907 g. [Stolypin P. A. Speech on the arrangement of the life of peasants and on the right to property, delivered in the State Duma on May 10, 1907] // Stolypin P. A. Nam nuzhna Velikaya Rossiya!: Polnoe sobranie rechej P.A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg. / Sost., primech., vstup. st. Yu. G. Fel'shtinskogo. Moscow: Knigovek Klub, 2011. 464 p.

13. Kistyakovskij B. A. M.P. Dragomanov. Ego politicheskie vzglyady, literaturnaya deyatel'nost' i zhizn'. [Kistyakovsky B. A. M.P. Dragomanov. His political views, literary activity and life] // Dragomanov M. P. Politicheskie sochineniya. Pod redakciej prof. I. M. Grevsa i B. A. Kistyakovskogo. Tom I. Centr i okrainy. Moscow: Typography T-va I.D. Sytin, 1907. С. I–LXXIII.

14. Stroganov V. Russkij nacionalizm, ego sushchnost', istoriya i zadachi. [Stroganov V. Russian nationalism, its essence, history and tasks]. Moscow: B/i, 1997. 87 p.

15. Karabchevskij N. P. Delo o gibeli Rossijskoj imperii. [Karabchevsky N. P. The case of the death of the Russian Empire]. Moscow: Algorhythm, 2018. 240 s.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Реформаторские инициативы в России начала XX в.: официальные установки и воплощенность в проектах / В.А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4. – С. 121–132.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Reform Initiatives in the Early 20th Century Russia: Official Provisions and Implementation in Projects / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 4, pp. 121–132. (In Russian).